

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 327(470.26)

ВЫРЫВАЯСЬ ИЗ ОБЪЯТИЙ ПОЛИТИКИ. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУР ВОСПОМИНАНИЯ КАК СПОСОБ ПООЩРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ЛИТОВСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В. Сафроновас*

* Клайпедский университет.
LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Поступила в редакцию 05.01.2012 г.

Обсуждается вопрос о том, что препятствует продуктивному переосмыслению прошлого в современных литовско-российских отношениях. «Переработка» прошлого воспринимается как процесс, посредством которого происходит переосмысление исторических значений, приближая их к ожиданиям и ценностям современного общества. В этом процессе, по мнению автора, исторические исследования должны выполнять определенные социальные функции, поскольку такие исследования могут поощрять сосуществование обществ. Выбрав литовско-российское коммуникационное пространство в качестве объекта, автор подчеркивает необходимость развития интереса во взаимном познании культур воспоминания в этом пространстве. В общих чертах определяются стратегии, характерные для преобладающих культур воспоминания в современной России и в Литве, поднимается вопрос об их необходимом взаимоотношении и об адекватности исторической политики. Криминализация определенных оценок прошлого и академический диалог между историками рассматриваются как две противоположности опыта исторической политики, реально существующего в литовско-российском коммуникационном пространстве. В качестве основы для дальнейшего развития исторического диалога предлагается рассматривать исследования ценностей и восприятий прошлого, которые поддерживаются определенными общественными группами Литвы и России. Этим подразумевается, что их постижение может способствовать формированию более обоснованной исторической политики.

Ключевые слова: культура воспоминания, историческая политика, переосмысление прошлого, литовско-российские отношения.

Увеличение дистанции между ака-

демическими историческими исследованиями и упрощенными образами прошлого, которые поддерживаются в общественном дискурсе, стало общей тенденцией современного пространства знаний. Следовательно, можно предположить, что одной из целей историков должно быть стремление к преодолению этой дистанции. Опыт Германии и других стран показывает, что в данном случае огромную роль играет так называемая «переработка» прошлого — процесс, в котором происходит переосмысление исторических значений, приближая их к ожиданиям и ценностям современного общества. Пионерами такого переосмысления чаще всего становятся историки, имеющие возможность благодаря сути своей профессии первыми четко увидеть расхождения между «общепринятыми» восприятиями прошлого и тем, что говорят документы и элементарная логика.

В постсоветском пространстве такая — связанная с изменением общепринятых ценностей — переработка прошлого была предопределена не только распадом «социалистического лагеря», но и целями, которые ставились перед обществами в государствах, оказавшихся на пути политических, социальных и экономических реформ [4; 10]. Например, воплощение внешнеполитических и экономических приоритетов Литвы, сформулированных в 1990-е гг., повлекло за собой переработку исторических образов, связанных с литовско-немецкими, литовско-польскими и прочими отношениями. Использование различных стратегий способствовало тому, что негативный опыт этих отношений перестал воспроизводиться и укрепляться, по крайней мере в господствующих положениях общественного дискурса. Однако опыт литовско-российских отношений начал оцениваться при помощи совершенно иных стратегий, на что, как уже утверждалось ранее [2, с. 451—456], повлияли прежде всего внутривнутриполитические факторы. Похоже, что такая зависимость от различных внешне- и внутривнутриполитических приоритетов характерна не только для Литвы, но и для России. Формирование ценностных ориентаций с использованием определенных исторических символов и образов в России также зависит от направленности на конкретную аудиторию — внутреннюю, восточноевропейскую либо западноевропейскую [13, S. 250]. Вопрос, какую пользу это приносит для обеих сторон, полагаю, уже не может считаться лишь риторическим.

Что же не позволяет осуществить продуктивное переосмысление прошлого в литовско-российском пространстве? Возможно то, что это — пространство, в котором категории исторической истины и лжи все еще руководят мышлением многих; пространство, в котором недостает взаимного уважения к национальным мифам и преобладающим конструкциям памяти. Такое уважение может появиться лишь в общении и познании друг друга, причем возникающие в процессе этого познания противоречия с чьей-либо «исторической истиной» не должны стать препятствием, не позволяющим уважать иное мнение, понимать необходимость не только определенных убеждений в определенных ситуациях, но и причину этой необходимости. Только когда такое познание и

понятие появятся, можно попробовать — крайне осторожно — задаться вопросом: действительно ли эти мифы и конструкции необходимы, если учитывать все последствия, которые влечет за собой их поддержание?

Действительно ли невозможно сблизить позиции там, где они диаметрально противоположны? Какова роль историков в этом процессе? Могут ли (и если да, то как именно) исторические исследования способствовать «переработке» прошлого в литовско-российском пространстве?

**Суть исторических исследований —
бесконечное увеличение знаний о прошлом
или выполнение социальных функций?**

Еще совсем недавно историки считали, что глубокое изучение методологии исследования исторических источников позволяет им выполнять роль своеобразных «оракулов» прошлого, имеющих исключительное право осведомленно о нем рассуждать. Однако создание «единого рынка», а также развитие различных видов коммуникаций, произошедшие в течение последних нескольких десятилетий, делают очевидным тот факт, что сочинения историков сегодня являются лишь одним из источников, на основе которых складывается общественное представление о прошлом. По многим параметрам этот источник уступает место другим, более «популярным» репрезентациям прошлого, в создании которых точность зачастую приносится в жертву аттрактивности, — кинофильмам, художественной литературе, даже компьютерным играм. Именно поэтому «традиционный» историк, оправдывающий свою зарплату бесконечным увеличением знаний о прошлом, становится все больше похожим на «динозавра». Именно поэтому все актуальнее вопрос о том, какую роль должны выполнять историки в обществе, где растет интерес к прошлому не ради глубокого познания окружающего мира, а ради удовольствия «потребления», которое влечет за собой упрощение и искажение исторических значений.

Представим два противоположных примера выбора такой роли, перед которым стоят историки. Первый пример: историки, пользуясь своими специализированными знаниями, приспособляясь к преобладающим культурным практикам, направленным на безграничное потребление, могут выполнять роль консультантов там, где в подобных услугах нуждаются создатели товаров и брендов. Они могут помогать создавать сюжеты и образы, которые используются для легитимации товаров и брендов на потребительском рынке, то есть для создания более «правдивой» их историчности. Второй пример: исследования историков, обращенные в соответствующее русло, могут способствовать реальным переменам, происходящим в общественном восприятии себя по отношению к другим. Если мы признаем, что мирное сосуществование обществ само по себе является ценностью, а поддержание негативных образов и воплощение прочих стратегий противопоставления

культур — лишь инструмент в руках манипуляторов, действующих в общественном дискурсе, исследования историков могут и даже должны охватывать преимущественно те области, которые соответствуют таким ценностям.

Выбор области исследования, так или иначе, всегда выступает прерогативой самого историка, поэтому главный вопрос в данном случае состоит лишь в том, какого эффекта позволит ожидать выбор одной или другой роли. Будет ли этот эффект кратковременным, направленным на потребление, или наоборот — долговременным, направленным на переосмысление прошлого, связанным с тем, что мешает достичь позитивного сосуществования различных обществ? При выборе последнего главным шагом становится познание прошлого друг друга и постижение мотивации того, почему соседним обществам требуются конкретные восприятия прошлого.

**Исследование культур воспоминания —
«модная» область исторического познания
или выражение потребностей сосуществования обществ?**

История создания символов и образов прошлого, их общественного воспроизведения в виде текстов, ритуалов, праздников, материальных объектов является одной из тем, наиболее активно обсуждающихся в современных европейских исторических исследованиях. Совокупность такого рода исследований образует то, что, немного упрощая, можно обобщенно назвать тематикой памяти. Однако интерес к познанию этой тематики, не ослабевающий на протяжении трех последних десятилетий, связан не только с тем, что память — новая «мода» историографии. Прежде всего память важна потому, что именно она позволяет людям четко отделить «свое» прошлое от «чужого» в настоящем.

Продуктивной аналитической категорией, позволяющей рассуждать об отношениях к прошлому в разнообразных исторических и современных обществах, выступает термин «культура воспоминания». Введенный в научное употребление культурологом Яном Ассманом в начале 1990-х гг. [6, S. 30—31], этот термин получил широкое применение в междисциплинарных исследованиях (прежде всего в Германии). Общие тенденции выразил историк Кристоф Корнелиссен, который «культуру воспоминания» предлагал понимать как наиболее широкий термин, применимый ко всем возможным формам осознанного воспоминания об исторических событиях, личностях и процессах [8, S. 555].

Культуру воспоминания мы определяем как систему значений, которая формируется посредством разных способов репрезентации, актуализируя прошлое и стимулируя «коллективную память»¹. Такое определение предполагает, что объектом исследования культуры вос-

¹ Коллективная память определяется как одно из слагаемых человеческой памяти, в котором «содержание» вспоминаемых значений поддерживается и трансформируется под влиянием групповой коммуникации — повседневной или формализованной.

поминания являются процессы создания значений, постоянно происходящие в среде общественной коммуникации. Это процессы, которые регулируют, поддерживают и трансформируют память людей — участников определенной коммуникационной среды. Познание структуры значений, которая предопределяет все поведение, связанное с прошлым, в том числе конкретные действия, актуализирующие прошлое, таким образом, и есть исследование культуры воспоминания.

Исследователи, занимающиеся анализом культур воспоминания, наблюдают характерное для сообществ преобладающее восприятие себя, которое может проявляться в ролях победителя либо побежденного, виновника либо жертвы. Они замечают, что многие общества, сталкивающиеся с определенным воздействием, применяют похожие стратегии адаптации, траура, забвения, обхождения молчанием, «вытеснения» неприятных и травмирующих воспоминаний [5, S. 62—116]. С другой стороны, несмотря на сходства стратегий обращения с прошлым, в каждой культуре воспоминания (которая может существовать на национальном, групповом, конфессиональном и другом уровне) циркулирует оригинальный набор значений о прошлом, значений, выполняющих роль того, что Я. Ассманн называет «коннективной структурой» общества. Эти значения спланивают общество, объясняя, почему мы именно такие и кем мы являемся по отношению к другим (см. также [7; 9]).

Таким образом, анализ культур воспоминания дает возможность определить ценности, на которых строится любая культура, имеющая что-либо общее с прошлым. Исследование культур воспоминания — это открытие для себя настоящего положения дел и выяснение причин, почему такое положение сложилось. Рассматривая культуры воспоминания, можно узнать, как эти культуры воспринимают себя по отношению не только к прошлому, но и будущему, потому что ценности, поддерживаемые посредством воспоминаний о прошлом, всегда проецируются в будущее. Кроме того, этот анализ дает возможность оценить, действительно ли проекции культуры в будущее, которые так или иначе строятся в любом обществе, соответствуют ценностям, поддерживаемым воспоминаниями о прошлом.

Парадоксально, но такое соответствие зачастую не наблюдается, особенно там, где общества сталкиваются с разными системами ценностей одновременно. Ведь кроме общих ценностей, характерных многим культурам, существуют ценности, ежедневно поддерживаемые в конкретных коммуникационных средах. Поэтому масштаб своеобразия определенной культуры, по сути, предопределяет и масштаб своеобразия восприятия прошлого, характерного только для данной культуры. Стратегия, используемая при столкновении этих своеобразий, уже зависит от совершенно иного фактора, который в специальной литературе называется «исторической политикой» либо «политикой воспоминания». Это проявляющаяся в дискурсе о прошлом сила, укрепляющая одни воспоминания и умеряющая другие, настраивающая носителей одних воспоминаний против других или, наоборот, предпринимающая усилия их примирить. Из-за влияния именно этого фактора формиру-

ется соответствующее отношение между разными культурами воспоминания внутри определенного государства или между государствами. Это отношение может быть приспособляющим либо подавляющим, конфликтным либо выводящим на путь сосуществования.

Не от историков зависит, какие конкретно стратегии будут использоваться, но историки своими исследованиями могут создать предпосылки для применения той или иной стратегии. Рассмотрим реальное положение дел в литовско-российском пространстве. Какое именно влияние в пространстве двух государств могут оказать исторические исследования, способствующие постижению характеристик, присущих обеим культурам воспоминания, осознанию значений и ценностей, на которых они основываются?

Объединяющее и разделяющее в отношениях культур воспоминания в литовско-российском пространстве

О преобладающих культурах воспоминания, поддерживаемых на национальном уровне в России и Литве, можно рассуждать в двух плоскостях, отдельно определяя характерные для них значения и стратегии. Многие значения в этих культурах противоположны, однако, рассуждая о стратегиях, используемых в конструировании данных значений и ценностей, можно заметить не одно сходство. В обеих культурах воспоминания роль мифа происхождения, сакрализованного нарратива, объясняющего настоящее, исполняет рассказ о трансформации общества, в котором основными являются категории победителя и побежденного (жертвы). В Литве уже более двух десятилетий это рассказ о трансформации из статуса «жертвы» в статус «победителя». Период Второй мировой войны и первых послевоенных лет в этом рассказе связывается с пактом Молотова — Риббентропа и описывается терминами «оккупация», «принудительная ссылка», «сопротивление», «геноцид», что придает Литве статус жертвы (причем потерпевшей более от Советского Союза, нежели от Германии), а распад СССР связан с терминами «освобождение», «независимость», с восстановлением государственности, то есть с победой. В России, наоборот, это — рассказ о трансформации из статуса «победителя» в статус «жертвы». Период Второй мировой войны здесь больше всего связывается с символом Победы над Германией и образом Советского Союза как освободителя наций Восточной Европы (в том числе и Литвы), а распад СССР — со статусом «жертвы», ибо прекращение его существования чаще воспринимается негативно, как огромное несчастье, после которого в России начался период «упадка»².

В обоих государствах историческая политика связывает ценности, формируемые в настоящем, именно со статусом победителя. В современной России, как и в брежневскую эпоху, наивысшей и не имеющей

² Как утверждал президент России В. Путин, «следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой» [1].

достойных конкурентов исторической ценностью считается Победа во Второй мировой войне (а точнее, в Великой Отечественной войне). В Литве же историческая политика за последние десятилетия в наивысшую ценность превратила борьбу за свободу, независимость и символ обретения этой независимости, то есть выход Литвы из состава Советского Союза. Такая ситуация, когда ценности в настоящем формируются в связи со статусом победителя, — типичный признак «молодой» исторической политики в государствах, которые таким образом пытаются утвердить свое положение, свою мораль и получить признание и уважение со стороны других. Другие должны понять, что победа важна не только для носителя статуса победителя, но и для них самих. Этим можно объяснить тот факт, что историческая политика России в ожидании признания вклада Советского Союза в общее дело пытается соединить важный прежде всего для самой России символ Победы с практиками коммеморации Второй мировой войны в Европе. В то же русло, по сути, направлена и историческая политика Литвы, в которой иногда проявляются попытки позиционировать свою победу как вклад в общее дело — распад Советского Союза как «империи зла».

Это замечание свидетельствует о том, что, несмотря на диаметрально противоположные расхождения в оценке одних и тех же исторических символов и образов (ср. [10; 12]), в Литве и в России используются весьма похожие стратегии как конструирования ценностей посредством преобладающей культуры воспоминания, так и исторической политики. Понятие этого важно именно потому, что нет и не может быть одной «правильной» системы ценностей и «хорошей» либо «плохой» культуры воспоминания. С другой стороны, вопрос об их подобающем взаимоотношении, а значит, и об адекватности исторической политики в литовско-российских отношениях, полагаю, является вопросом, подлежащим обсуждению. Особенно потому, что тенденции исторической политики иначе, нежели культуры воспоминания, связаны не только с формированием определенных ценностей, но прежде всего со стратегиями легитимации, выбираемыми соответствующими режимами. И чем слабее агенты режима влияют на преобладающие восприятия прошлого в общественном дискурсе, тем больше потребность в утверждении символов и образов прошлого, легитимирующих политику режима.

По сути, именно в этом причина, по которой разногласия, объективно существующие в разных культурах воспоминания из-за того, что эти культуры *разные*, становятся предметом спора и причиной конкуренции за утверждение единственной и неоспоримой «исторической истины». Заблуждение начинается тогда, когда такая конкуренция признается единственным способом взаимоотношений. На самом же деле существуют и другие способы. Когда происходит столкновение позиций, проблему можно «обойти», но можно и решать ее путем открытого диалога и поиска точек соприкосновения. Решение проблемы может происходить посредством спора о том, кто прав, спора, в котором чаще всего побеждает не логика и аргументы, а сила, но можно использовать и метод оценки аргументов, потребностей общества и по-

исков общих ценностей. Парадоксально, но в современных литовско-российских отношениях оба эти способа почему-то сочетаются, то есть одновременно происходит и навязывание единой «исторической истины» с применением силы, и дискуссия. В результате это приводит к тому, что движение происходит из точки «А» обратно в точку «А» — проблема не решается, возможно из-за того, что агенты режима недостаточно четко осознают цели и функции исторической политики.

Приведем два конкретных примера параллельно происходящих процессов. Как в Литве, так и в России за последние пять лет проявились одинаково тривиальные тенденции подавления инакомыслия, связанного с мифом происхождения обеих стран. Сейм Литвы 17 июня 2008 г. принял поправку к закону «О собраниях», которая ввела запрет на демонстрацию любой символики не только нацистской Германии, но и Советского Союза (включая и Литовскую ССР) во время общественных собраний. Спустя два года, 15 июня 2010 г. была принята поправка к Уголовному кодексу Литвы, которая ввела уголовную ответственность за отрицание геноцида и других преступлений против человечности; за общественное одобрение агрессии, которую Советский Союз и Германия проявили против Литвы; за одобрение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных на территории Литвы или против жителей Литвы; за одобрение агрессии против Литовской Республики в 1990—1991 гг. В связи с этим следует напомнить, что определение «геноцид» в Литве имеет особенную специфику, то есть в соответствии с законами Литвы считается, что геноцид проводился и против литовцев [2]. По сути, похожие тенденции заметны и в России, где в феврале 2009 г. министр Сергей Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за отрицание Победы Советского Союза во Второй мировой войне, а указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. была создана «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», состоящая из представителей спецслужб и Администрации Президента РФ.

Такие тенденции, на мой взгляд, вызваны прежде всего несоответствием, возникающим при столкновении разных систем ценностей и поколений, для которых они актуальны. С одной стороны, старшее поколение не намерено мириться с релятивизацией «исторической истины» и положением, что одни и те же события и явления прошлого могут оценивать по-разному. С другой стороны, все больше альтернативных оценок и установок попадает в коммуникационное пространство, где преобладают традиционные установки, и тут логика «защиты дискурса» побуждает прикладывать усилия, чтобы «уберечь от осквернения» значения, имеющие статус самых «священных», криминализируя такое «осквернение» институциональными методами. Оценки конкретных оберегаемых событий и явлений прошлого показывают, какие из этих оценок считаются преобладающими, основными в процессе формирования общей идентичности.

Однако упомянутая криминализация — отнюдь не единственный способ решения проблемы. Достаточно признать, что для своеобразных

культур (именно потому, что они своеобразны) характерно и неодинаковое восприятие прошлого; и будет нелогично требовать, чтобы одна культура вдруг стала считать «исторической истиной» то, что считается таковой в другой культуре. Главный вопрос — в том, почему многие соседние государства способны не обращать внимания на различия в восприятиях прошлого и не актуализировать того, что может углублять противостояние и конфликты в настоящем; и почему отношения между другими государствами обязательно должны быть основаны на попытках навязать единое восприятия прошлого. Иными словами, почему вопрос признания оккупации Балтийских стран или оценки участия жителей Литвы, Латвии и Эстонии в структурах СС и вермахта в современных государственных отношениях должен быть *conditio sine qua non* — вопросом, без общепринятой оценки которого ничего нельзя поделаться?

Возможно, определенной попыткой решить именно такого рода вопросы должна была стать комиссия литовско-российских историков, созданная в феврале 2006 г. на основе двухстороннего договора между Министерствами образования и науки Литвы и России (обе стороны имеют такого рода комиссии и с другими государствами). Кроме научных заседаний и конференций, которые проходят в наиболее продуктивной форме дискуссий о прошлом, одним из основных результатов совместной работы членов этой комиссии, представляющих в основном Институт истории Литвы и Институт всеобщей истории РАН, можно считать подготовку сборника документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны» в двух томах. Первый том «СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 г.)» был опубликован в Литве в начале 2006 г. [3]; второй, посвященный литовскому вопросу в международных отношениях 1940—1945 гг., закончен в конце 2011-го.

Выход первого тома этого сборника вызвал неадекватную реакцию как в Литве, так и (еще более) в России. Возможно, именно эта реакция не только повлияла на задержку окончания работ над вторым томом, но также частично содействовала и усилению уже обсуждавшейся выше решимости криминализировать «историческую ложь».

В любом случае опубликование двухтомника документов — лишь первый, хотя и весьма существенный вклад в дискуссию, а также шаг к более адекватному восприятию друг друга. Продолжить движение в этом направлении, как предполагалось ранее, могли бы исследования культур воспоминания, анализ которых может строить процесс переработки прошлого на совершенно иных основах. Переработка прошлого не станет эффективной, если она будет проводиться лишь на «верхнем» уровне — академическом либо политическом. Действенной она окажется в том случае, если будет поддерживаться ценностями, не нуждающимися в отдельной или дополнительной общественной легитимации.

Именно поэтому нужно тщательно исследовать ценности и восприятия прошлого, которые формируются, поддерживаются и необходимость которых определенным образом мотивируется в конкретных обществах. Даже в незначительной мере продвигаясь вперед на пути переосмысления прошлого, любые шаги следует предпринимать, учиты-

вая эти ценности и восприятия, согласовывая старое с новым, а не только внедряя новое. Одновременно следует учитывать, что переосмысление прошлого никогда не даст положительных результатов, если оно будет использоваться в целях манипуляции. Мотивация такого переосмысления должна быть ясна каждому, а достижение его целей должно стать консенсусом.

Список литературы

1. *Послание* Президента Федеральному собранию Российской Федерации, 25.04.2005. URL: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (дата обращения: 12.01.2012).
2. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2009. №3: Maison des sciences de l'Homme: науки о человеке в империи. P. 424—458.
3. СССР и Литва в годы Второй мировой войны : сборник документов / сост. А. Каспаравичюс [и др.]. 2006.
4. Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы. Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2004. №4: Примирение через прошлое: панъевропейская перспектива, P. 41—77.
5. Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München, 2006.
6. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1992.
7. Berek M. *Kollektives Gedächtnis und die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Erinnerungskulturen*. Wiesbaden, 2009.
8. Cornelissen Chr. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff — Methoden — Perspektiven // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 2003. Bd. 54. S. 548—563.
9. Erll A. *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*. Stuttgart, 2005.
10. *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland* / Hg. von L. Karl, I. J. Polianski. Göttingen, 2009.
11. Mark J. *The Unfinished Revolution. Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern Europe*. New Haven; L., 2010.
12. Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo: atminčių ir atminimo kultūrų transformacijos XX—XXI amžiuje / sud. A. Nikžentaitis. Vilnius, 2011.
13. Troebst S. Der 23. August 1939. Ein europäischer lieu de mémoire? // *Osteuropa*. 59. Jhg. 2009. №7—8: Der Hitler-Stalin-Pakt. Der Krieg und die europäische Erinnerung. S. 249—256.

Об авторе

Сафроновас Василиюс, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Балтийского региона, Клайпедский университет; научный сотрудник, Институт истории Литвы.

E-mail: safronovas@gmail.com

AN ESCAPE FROM THE EMBRACE OF POLITICS.
A STUDY INTO THE CULTURES OF REMEMBRANCE
AS A MEANS TO ENCOURAGE A HISTORICAL DIALOGUE
IN LITHUANIAN-RUSSIAN RELATIONS

V. Safronovas

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipėda, LT-92294, Lithuania

Received on January 5, 2012

This article focuses on the factors inhibiting a productive rethinking of the past in contemporary Lithuanian-Russian relations. The rethinking of the past is understood as a process facilitating the reconsideration of historical meanings through adjusting them to the expectations and values of a contemporary society. The author argues that, during this process, historical research — an important tool for encouraging the co-existence of communities — should fulfil certain social functions. Having chosen the Lithuanian-Russian communication space as a case, the author emphasises the need to develop interest in mutual knowledge of cultures of remembrance in this space. Outlining the strategies specific to the prevailing cultures of remembrance in contemporary Russia and Lithuania, the author addresses the question of their proper relationship, as well as that of the appropriateness of politics of history. The criminalisation of certain evaluations of the past and the academic dialogue between historians are regarded as two opposite extremes of politics of history actually existing in the Lithuanian-Russian communications space. The author stresses that research on the values and interpretations of the past peculiar to certain social groups in both Lithuania and Russia may be considered as a basis for further development of the historical dialogue. It is assumed that such research may contribute to the improvement in the field of politics of history.

Key words: culture of remembrance, politics of history, rethinking of the past, Lithuanian-Russian relations.

References

1. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii [Address of the President of Russia to the Federal Assembly]*, 25.04.2005, available: <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html> (accessed 12 January 2012).
2. Safronovas, V. 2009, O tendencijah politiki vospominanija v sovremennoj Litve [On the trends in modern politics memories Lithuania], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no 3, pp. 424—458.
3. Kasparavičius, A., Laurinavičius, Č., Lebedeva N. (ed.), 2006, *SSSR i Litva v gody Vtoroi mirovoi voiny: Sbornik dokumentov [Soviet Union and Lithuania during the Second World War: a collection of documents]*, Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla.
4. Troebst, S. 2004, «Kakoj takoj kover?» Kul'tura pamjati v postkommunisticheskih obwestvah Vostochnoj Evropy. Popytka obwego opisaniija i kategorizacii ["What is this carpet?" Culture of memory in post-communist societies of Eastern

Europe. An attempt to describe and categorize the total], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no 4, pp. 41—77.

5. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, München.

6. Assmann, J. 1992, *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München.

7. Berek, M. 2009, *Kollektives Gedächtnis und die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Erinnerungskulturen*, Wiesbaden.

8. Cornelißen, Chr. 2003, Was heißt Erinnerungskultur? Begriff — Methoden — Perspektiven, *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, Bd. 54, pp. 548—563.

9. Erll, A. 2005, *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*, Stuttgart.

10. Karl, L., Polianski I. J. (ed.), 2009, *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*, Göttingen.

11. Mark, J. 2010, *The Unfinished Revolution. Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern Europe*, New Haven and London.

12. Nikžentaitis, A. (ed.), 2011, *Nuo Basanavičiaus, Vytauto Didžiojo iki Molotovo ir Ribbentropo: atminties ir atminimo kultūrų transformacijos XX—XXI amžiuje*, Vilnius.

13. Troebst, S. 2009, Ein europäischer lieu de mémoire? [A European lieu de mémoire?], *Osteuropa*, 59. Jhg., no. 7—8, pp. 249—256.

About author

Dr. Vasilijus Safronovas, Research Fellow, Institute of the Baltic Sea Region History and Archaeology, Klaipėda University; Research Fellow, Lithuanian Institute of History.

E-mail: safronovas@gmail.com.